

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-203-209
УДК 94(4/9)

СОВЕТСКО-АФГАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ПАСТБИЩНОЙ КОНВЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1935–1939)

Юрий Николаевич ТИХОНОВ

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Ленина, 42
E-mail: tikhlip@mail.ru

Аннотация. Результаты изучения новых рассекреченных документов российских архивов позволяют сделать вывод, что под влиянием «мировой политики» находились все направления внешней политики Афганистана. История советско-афганских отношений накануне Второй мировой войны убедительно доказывает тот факт, что в отношении Афганистана с великими державами того времени не было сфер сотрудничества, которые не использовались бы иностранными государствами в борьбе за «афганский плацдарм». Ярким доказательством этого является попытка советского правительства в 1930-х гг. увязать вопрос о выпасе афганских стад на туркменских пастбищах с целым комплексом мер, направленных против усиления позиций Германии и Японии в Афганистане. Советская дипломатия неоднократно ставила перед Кабулом вопрос о пастбищной конвенции, чтобы ускорить подписание необходимых СССР договоров с Афганистаном. В 1936 г. вопрос о заключении пастбищной конвенции не раз поднимался в ходе переговоров о продлении Кабульского пакта 1931 г. (Договора о нейтралитете и взаимном ненападении 1931 г.) и заключении общего торгового соглашения с Афганистаном, с помощью которого СССР стремился экономически вытеснить немецкие и японские товары с рынка Северного Афганистана.

Ключевые слова: «Большая игра»; советско-афганские отношения; фашистская Германия; милитаристская Япония; пастбищная конвенция

До настоящего времени в России существует устойчивая традиция фактически делить внешнюю политику СССР в отношении Афганистана на два условных блока: 1) «международный блок», включающий в себя политические акции, связанные с соперничеством между Советским Союзом и Великобританией в Центральной Азии, а также борьбой против интриг стран «оси» в Афганистане накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.; 2) двусторонние отношения (приграничная торговля, миграция населения, пастбищные вопросы и т. д.), которые якобы не затронула «Большая игра» [1; 2]. Изучение советских партийных и дипломатических документов дает богатый фактический материал, который свидетельствует о том, что «пастбищная проблема» в отношениях между Москвой и Кабулом также относилась к «Большой игре».

В начале XX века часть афганского скота традиционно выпасалась в среднеазиатских владениях Российской империи, и в то время предоставление пастбищ для него не являлось частью «Большой игры» [3; с. 112]. Ситуация резко изменилась после событий 1917 г. и в

ходе Гражданской войны в Средней Азии, когда в Афганистан было угнано несколько сот тысяч каракулевых овец и значительное количество другого скота [4, с. 80–82]. В результате этого в 1920-е гг. афганцы смогли значительно увеличить на мировом рынке экспорт каракуля, доходы от которого обеспечивали закупки вооружения и промышленного оборудования Афганистана за рубежом и влияли на курс национальной валюты [5, с. 53]. По этим причинам эмир Амануллахан, как и все его преемники, делал все возможное для форсирования роста поголовья каракулевых овец, чего афганские скотоводы не могли достичь без выпаса их стад на советской территории [6, с. 62; 7, с. 83].

Нестабильность ситуации в Средней Азии и интересы «большой политики» долгое время не позволяли СССР изменить нелогичную ситуацию с выпасом афганского скота в приграничных районах Туркмении: «эмигрантские» стада паслись на своих старых пастбищах, а афганский каракуль сбивал цены на мировом рынке на аналогичный мех, продаваемый советскими внешнеторговыми организациями. Лишь в 1928 г. советский

полпред в Кабуле Л.Н. Старк предпринял попытку начать с Амануллой-ханом переговоры о заключении пастбищной конвенции, но получил отказ от афганского монарха. Даже после прихода к власти в Афганистане «англофила» Надир-шаха в Москве отложили вопрос о заключении пастбищной конвенции, так как афганские граждане платили за выпас скота (пач), а часть полученного ими каракуля нелегально продавали советским контрагентам. Одним словом, Афганистан по своей инициативе не хотел заключать специальное соглашение с СССР о выпасе скота в районах вдоль советско-афганской границы, а в Кремле считали вопрос о пастбищной конвенции второстепенным и надеялись компенсировать финансовые потери через заключение «каракулевой конвенции» с афганцами. Кроме этого, И.В. Сталин и его окружение, видимо, понимали, что вопрос о пастбищной конвенции можно было использовать для оказания давления на афганское правительство при решении более важных внешнеполитических задач и не в ущерб каракулеводству в Туркменской Советской Социалистической Республике [8, с. 14].

События 1932 г. наглядно продемонстрировали тот факт, что вопрос о заключении советско-афганской пастбищной конвенции стал составной частью «Большой игры» в Центральной Азии. В январе 1932 г. в Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) поступила информация из Берлина, что Германия предложила Афганистану подписать концессионное соглашение о строительстве немецкими фирмами дороги из Кабула в Мазари-Шариф и железной дороги от афганской столицы к индийской границе. Л.Н. Старку было дано указание немедленно уточнить эти сведения¹. В феврале 1932 г. советский полпред сообщил, что афганское правительство планирует построить обе эти трассы на собственные средства. Подобные проекты в Афганистане нельзя было реализовать без иностранного технического содействия. Таким образом, косвенным образом будущее участие немцев в постройке стратегических дорог в этой стране было подтверждено.

Реакция СССР была быстрой и жесткой: в конце февраля 1932 г. в Средней Азии началась конфискация «эмигрантского скота».

¹ Архив внешней политики МИД РФ (АВП РФ). Ф. 071.1932. Оп. 14. П. 162. Д. 5. Л. 8.

Формально были приняты меры, чтобы афганские скотоводы не пострадали, но технически решить эту задачу на тот момент было невозможно. В итоге уже к марту 1932 г. было реквизировано 170 тыс. афганских каракулевых овец². Афганское правительство потребовало их вернуть. Сложившаяся конфликтная ситуация была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 8 марта 1932 г. На нем было принято решение «оставить скот в Туркмении и не возвращать его афганским баям»³. Однако по ряду причин это решение было вскоре пересмотрено, и афганцы получили свою собственность назад.

Вновь к вопросу о заключении пастбищной конвенции с Афганистаном в Москве вернулись в начале 1935 г., когда в эту страну активно стали проникать «государства-агрессоры» – милитаристская Япония и фашистская Германия. 25 марта 1935 г. Л.Н. Старк сообщил в НКВД о необходимости «скорейшего начала переговоров с афганцами о торговом договоре и каракулевом соглашении», так как они «все больше увязываются с немцами и японцами»⁴. В Кремле было принято решение не допустить дальнейшего сближения афганского правительства с этими государствами, для чего советская сторона взяла курс на заключение общего торгового соглашения и каракулевой конвенции с Афганистаном. Чтобы подтолкнуть афганцев к скорейшему началу переговоров, большевистское руководство вновь поставило перед афганцами вопрос о заключении пастбищной конвенции.

Снова, как и в 1932 г., в качестве рычага давления на Кабул были использованы конфискации афганского скота в Средней Азии. 3 апреля 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановило «не допускать самовольного перехода афганцев на территорию СССР» и дало указание начальнику Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД М.П. Фриновскому «отобрать у перешедших на нашу территорию афганцев все (так в документе. – Ю. Т.) оружие (огнестрельное) и половину скота»⁵. В 1935 г. афганские ското-

² Там же. Л. 38.

³ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 2.

⁴ АВП РФ. Ф. 071.1933–1936. Оп. 18. П. 178. Д. 6. Л. 15.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 152.

воды стали платить более высокий пач. Однако лишь в октябре 1935 г., когда ежегодный выпас афганского скота на советской территории завершился, посланник Афганистана Абдул Гуссейн Азиз-хан в Москве попросил НКВД предоставить ему советский проект пастбищной конвенции.

В начале 1936 г. вопрос о заключении пастбищной конвенции не раз поднимался в ходе переговоров о продлении Кабульского пакта 1931 г. (Договора о нейтралитете и взаимном ненападении 1931 г.) и заключении общего торгового соглашения с Афганистаном, с помощью которого СССР стремился вытеснить дешевые японские товары с рынка Северного Афганистана. В начале января 1936 г. Л.Н. Старк получил директиву из Москвы провести с афганским премьер-министром М. Хашим-ханом переговоры о японо-афганских отношениях, чтобы воспрепятствовать наметившемуся сближению между Кабулом и Токио. Однако советское правительство главную ставку делало не на политический нажим, а на экономическое выдавливание японских конкурентов с рынка Афганистана, поэтому оно стремилось форсировать заключение общего торгового договора с Афганистаном. С целью ускорить процесс переговоров с Кабулом СССР опять использовал заинтересованность афганцев в выпасе и сохранности их скота на пастбищах Туркмении. 30 января 1936 г. «в порядке репрессий» за неуплату пача в Туркмении было конфисковано около 100 тыс. голов афганского скота⁶.

Советский «намеки» был прекрасно понят афганским руководством. В феврале 1936 г. советско-афганские переговоры вышли из тупика: афганцы перестали выторговать у советского правительства еще более выгодные условия в сфере внешней торговли, а вскоре решились продлить и Договор о нейтралитете 1931 г. с Советским Союзом на десять лет. Одновременно 21 февраля 1936 г. премьер-министр М. Хашим-хан попросил полпреда Л.Н. Старка ускорить заключение пастбищной конвенции. 3 марта 1936 г. Абдул Гуссейн Азиз-хан встретился с заместителем наркома по иностранным делам Н.Н. Крестинским и попросил его предоставить советский проект торгового соглашения. 11 марта 1936 г. глава афганского пра-

вительства дал согласие на продление Кабульского пакта 1931 г.⁷ Конечно, афганское правительство приняло эти стратегически важные решения по целому ряду причин, но, очевидно, что советская дипломатия, поставив перед Кабулом вопрос о пастбищной конвенции, значительно ускорила подписание весной 1936 г. необходимых СССР договоров с Афганистаном.

В начале марта 1936 г. афганский министр иностранных дел Файз Мухаммад-хан должен был возвращаться из Германии, где он провел переговоры с нацистской верхушкой и был принят А. Гитлером, на родину. М. Хашим-хан дал ему указание посетить Москву, чтобы подписать протокол о продлении Кабульского пакта. Одновременно глава афганского правительства попросил полпреда Л.Н. Старка ускорить возвращение конфискованного скота... Файз Мухаммад-хан, прибыв в Москву, еще более конкретно увязал продление Договора о нейтралитете и взаимном ненападении с разрешением ситуации с реквизируемыми овцами. 22 марта 1936 г. он заявил Н.Н. Крестинскому следующее: «Афганское правительство не возражает против <...> предложения о продлении на 10 лет Кабульского пакта, и что он имеет полномочия на подписание соответствующего протокола, но что было бы желательно предварительно урегулировать вопрос о конфискации советскими органами афганского скота»⁸. Опасаясь, что афганская сторона перейдет к затягиванию протокола о продлении, советское правительство 24 марта 1936 г. приняло решение вернуть из 99905 афганских овец 57710 голов, а остальное было изъято в качестве пача и штрафа за нелегальный выпас, а также реквизировалось как «эмигрантский скот».

Как свидетельствуют записи бесед Н.Н. Крестинского с Файзом Мухаммад-ханом, за день до подписания протокола о продлении Кабульского пакта, 28 марта 1936 г., афганцу предоставили советский проект пастбищной конвенции. Одновременно дипломаты обсудили проблему выпаса афганского скота на советской территории. Н.Н. Крестинский сообщил, что на территорию СССР из Афганистана в 1936 г. «перешло» 2,8 млн

⁷ АВП РФ. Ф. 09.1936. Оп. 29. П. 95. Д. 44943. Л. 8, 53.

⁸ Там же. Л. 20.

⁶ АВП РФ. Ф. 071.1936. Оп. 18. П. 178. Д. 6. Л. 97.

голов скота, из них половина была перегнана нелегально, поэтому действия властей в Средней Азии закономерны. Далее замнаркома иностранных дел СССР заявил Файзу Мухаммад-хану следующее: «Наши пограничные власти имели полное право конфисковать скот, перешедший нелегально через границу. Афганские скотоводы поступили бесспорно незаконно и конфискация скота была произведена правильно, но наше правительство и НКВД, дорожа хорошими отношениями с Афганистаном, желая рассеять тяжелое впечатление, создавшееся у афганского правительства, и ликвидировать обостренную (так в документе. – Ю. Т.) обстановку на границе, готовы, в изъятие из общих правил, пойти на то, чтобы вернуть часть конфискованного скота. Мы полагаем, что в течение нескольких недель этот вопрос будет ликвидирован»⁹. Афганский министр не рискнул более спорить с Н.Н. Крестинским и согласился подписать прокол о продлении Кабульского пакта, что и произошло 29 марта 1936 г.

Новый этап в советско-афганских переговорах о пастбищной конвенции наступил осенью 1936 г., когда 5 сентября в Москву вновь прибыл Файз Мухаммад-хан. Он очень торопился в Европу, чтобы к приезду в Германию М. Хашим-хана завершить с немцами переговоры о новых кредитах и инструкторах для афганской армии. Разумеется, что афганский дипломат благоразумно умолчал о цели его европейского вояжа, чтобы не сорвать переговоры о пастбищной конвенции. Однако, прекрасно понимая, что долго утаивать подобную информацию не удастся, он попытался форсировать переговоры о данной конвенции. 8 сентября 1936 г. он вручил Н.Н. Крестинскому ее афганский контрпроект и предложил подписать его в течение... двух-трех дней. Афганская сторона предлагала советскому правительству следующие условия:

1) туркменскими пастбищами могут пользоваться все афганские граждане, включая эмигрантов;

2) советские органы не имели права реквизировать афганские стада в виде штрафа за нарушения афганских скотоводов;

3) афганское правительство просило понизить пач и хотело бы его выплачивать деньгами, а не скотом;

4) на афганских пастухов распространялось право экстерриториальности.

Для советской стороны афганский проект пастбищной конвенции был не приемлем, так как он позволял перегонять в Туркмению «эмигрантский скот» и предусматривал низкий пач (фактически, афганцы просили незначительно увеличить налог, который они платили до 1917 г. – 2,5 процента от поголовья). Вероятнее всего, И.В. Сталин пошел бы на понижение пача, но для этого афганское руководство должно было хотя бы замедлить сближение с фашистской Германией, но оно, наоборот, форсировало этот процесс.

До конца 1936 г. в Москве проходили переговоры о пастбищной конвенции. Афганский посланник Абдул Азиз-хан обсудил спорные вопросы с замнаркома иностранных дел Б.П. Стомоняковым. 21 декабря 1936 г. в НКВД под председательством заведующего Первым Восточным отделом НКВД В.В. Цукерманом состоялось очередное совещание по вопросам, связанным с пастбищной конвенцией, на которое был приглашен афганский посланник. По многим техническим вопросам удалось достигнуть компромисс, но платить пач в размере 4 процентов, на чем настаивала советская сторона, афганское правительство отказалось категорически, поэтому оно решило прервать переговоры в Москве.

В 1937 г. афганские власти уведомили своих скотоводов о том, что перегонов на советскую территорию не будет. Из сложной ситуации М. Хашим-хан попытался выйти с помощью перемещения скота (в первую очередь каракулевых овец) из провинции Меймене в другие районы Афганистана, однако, ликвидировать дефицит пастбищ таким способом не удалось. По этой причине весной 1938 г. правительство М. Хашим-хана вынуждено было продолжить переговоры с СССР о заключении пастбищной конвенции. Идя на встречу пожеланиям афганцев, НКВД согласился продолжить их в Кабуле, а не в Москве. В марте 1938 г. договаривающимся сторонам удалось снять ряд мелких проблем и определить, какие пастбища советской территории можно предоставить для выпаса аф-

⁹ АВП РФ. Ф. 05.1936. Оп. 16. П. 117. Д. 32. Л. 51.

ганских стад. Вновь, однако, не удалось договориться о размере пача.

В 1938 г. заключение пастбищной конвенции оказалось увязано с решением вопроса о водной советско-афганской границе по рекам Амударья и Пянджу. Используя сложную политическую ситуацию в мире, М. Хашим-хан стремился заставить СССР пойти на максимальные уступки при проведении новой границы (см. подробнее [9, с. 34-35; 10, с. 218-219]). Советское правительство ради сохранения добрососедских отношений шло на удовлетворение многих афганских требований, но лишь в обмен на афганские гарантии не допускать страны «оси», прежде всего Германию, в Северный Афганистан. Афганские политики крайне неохотно шли на это. Наиболее четко сложившееся положение в отношениях между Москвой и Кабулом охарактеризовал Б.П. Стомоняков в письме к советскому посланнику в Афганистане К.А. Михайлову: «Афганцы охотно приняли бы наши предложения, могущие дать им при данной ситуации внутри страны весьма желательный политический эффект, но с другой стороны их останавливают наши требования, направленные, главным образом, против немцев, с которыми они связаны по рукам и ногам из-за получения кредитов»¹⁰. Чтобы дать афганскому правительству возможность подумать над предложениями СССР по водной границе, в июне 1938 г. в Кремле приняли решение приостановить переговоры о границе по реке Амударья и одновременно возобновить обсуждение спорных пунктов пастбищной конвенции.

К.А. Михайлов получил указания из Москвы выждать, чтобы просьба о начале нового тура переговоров по пастбищному вопросу исходила от афганцев. Расчет советских дипломатов оказался правильным: афганское правительство уже в июле 1938 г. дало указание министру экономики и председателю Национального банка Абдул Меджиду приступить к переговорам с советской стороной. Как докладывал посол К.А. Михайлов в НКВД, его контакты с Абдул Меджидом проходили «при некотором нашем осторожном и чутком нажиме», что являлось составной частью советской политики, направленной

на «вытеснение» немцев и японцев из Афганистана¹¹.

Как и прежде, переговоры о заключении советско-афганской пастбищной конвенции затянулись. Советская сторона шла на встречу афганским пожеланиям, которые постоянно росли. Так, Абдул Меджид хотел добиться от СССР согласия на выпас на советской территории 3–4 млн овец и выплачивать пач деньгами. Советский Союз соглашался допустить на свои пастбища только два миллиона овец с афганскими пастухами (4 тысячи человек), но хотел иметь право «карать нарушителей» и конфисковывать «эмигрантский скот». В январе 1939 г. в одном из своих писем временно исполняющему обязанности заведующего Первым Восточным отделом НКВД М.С. Мицкевичу К.А. Михайлов писал: «Речь идет о коренных вопросах: предоставлении нам права репрессий вплоть до конфискации в отношении эмигрантского скота»¹². Разумеется, афганцы были категорически против подобной постановки вопроса. Однако у советской стороны не было оснований для уступок афганскому правительству, так как позиции фашистской Германии в Афганистане продолжали усиливаться. В итоге, пастбищная конвенция между СССР и Афганистаном так и не была заключена.

Таким образом, советско-афганские переговоры о заключении пастбищной конвенции являются классическим примером попыток СССР оказать давление на правительство М. Хашим-хана с целью принудить его ограничить сотрудничество со странами «оси», прежде всего с Германией. Накануне Второй мировой войны торг вокруг этой конвенции был составной частью «Большой игры».

Список литературы

1. *Коргун В.Г.* Россия и Афганистан: Исторические формирования образа России в Афганистане. М.: Кн. дом «Либроком», 2008.
2. *Теплинский Л.Б.* СССР и Афганистан. М.: «Восточная литература», 1982.
3. *Панин С.Б.* Россия и Афганистан. 1905–1918. Иркутск: Иркутск. гос. пед. ин-т, 1995.
4. *Кадыров Ш.* Тайны туркменской демографии: проблемы, пробелы, фальсификации. М.: ИВ РАН, 2009. 333 с.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 09.1938. Оп. 25. П. 119. Д. 47947. Л. 43.

¹¹ Там же. Л. 124.

¹² АВП РФ. Ф. 06.1938-1939. Оп. 1. П. 5. Д. 41. Л. 86.

5. *Гуревич Н.М.* Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. М.: Наука, 1981.
6. *Алексеев П.* Аграрный вопрос в Афганском Туркестане. М.: Междунар. аграр. ин-т, 1933.
7. *Пуляркин В.А.* Афганистан. Экономическая география. М.: Мысль, 1964.
8. *Оджаров Х.* Коллективизация сельского хозяйства – решающее условие подъема каракулеводства. Итоги предвоенных пятилеток // Ученые записки Туркменского государственного университета. Серия История КПСС. Ашхабад: Ылым, 1968. Вып. 54.
9. *Арунова М.Р., Шумилов О.М.* Граница России с Афганистаном (Исторический очерк). М.: ИВ РАН, 1998.
10. *Тихонов Ю.Н.* Советско-афганские отношения в 1931–1939 гг. // СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / отв. ред. В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2010.

Поступила в редакцию 13.02.2018 г.
Отрецензирована 11.03.2018 г.
Принята в печать 16.05.2018 г.

Информация об авторе

Тихонов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории. Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского, г. Липецк, Российская Федерация. E-mail: tikhlip@mail.ru

Для цитирования

Тихонов Ю.Н. Советско-афганские переговоры о пастбищной конвенции в контексте «Большой игры» в Центральной Азии накануне Второй мировой войны (1935–1939) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 174. С. 203–209. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-203-209.

DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-203-209

SOVIET-AFGHANIAN NEGOTIATIONS ABOUT THE PASTURE CONVENTION IN THE CONTEXT OF THE “GREAT GAME” IN CENTRAL ASIA ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR (1935–1939)

Yuriy Nikolayevich TIKHONOV

Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University
42 Lenin St., Lipetsk 398020, Russian Federation
E-mail: tikhlip@mail.ru

Abstract. The results of the study of the new declassified documents of Russian archives lead to the conclusion that under the influence of “world politics” there were all directions of Afghanistan’s foreign policy. The history of Soviet-Afghan relations on the eve of the Second World War convincingly proves the fact that in the relations of Afghanistan with the Great Powers of that time there were no spheres of cooperation that would not be used by foreign states in the struggle for the “Afghan bridgehead”. A striking proof of this is the attempt of the Soviet government in the 1930s to coordinate the issue of grazing of Afghan herds on Turkmen pastures with a whole range of measures aimed at strengthening the positions of Germany and Japan in Afghanistan. Soviet diplomacy repeatedly asked Kabul about the pastoral convention to speed up the signing of the necessary Soviet treaties with Afghanistan. In 1936 the question of concluding a grazing convention was repeatedly raised during the negotiations on the extension of the Kabul Pact of 1931 (the Neutrality and Mutual Non-Aggression Treaty of 1931) and the conclusion of a general trade agreement with Afghanistan, through which the USSR sought to economically supplant German and Japanese goods from the market of Northern Afghanistan.

Keywords: “Great Game”; Soviet-Afghan relations; fascist Germany; militaristic Japan; pasture convention

References

1. Korgun V.G. *Rossiya i Afganistan: Istoricheskiye puti formirovaniya obraza Rossii v Afganistane* [Russia and Afghanistan: Historical Ways of Russia Image Formation in Afghanistan]. Moscow, Book House “Librokom” Publ., 2008. (In Russian).
2. Teplinskiy L.B. *SSSR i Afganistan* [USSR and Afghanistan]. Moscow, 1982. (In Russian).
3. Panin S.B. *Rossiya i Afganistan. 1905–1918* [Russia and Afghanistan. 1905–1918]. Irkutsk, Irkutsk State Pedagogical Institute Publ., 1995. (In Russian).
4. Kadyrov S. *Tayny turkmenskoy demografii: problemy, probely, fal'sifikatsii* [Secrets of Turkmen Demography: Problems, Gaps, Falsehoods]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2009, 333 p. (In Russian).
5. Gurevich N.M. *Vneshnyaya trgovlya Afganistana v noveysheye vremena* [External Trade of Afghanistan in Contemporary Times]. Moscow, Nauka Publ., 1981. (In Russian).
6. Alekseenkov P. *Agrarnyy vopros v Afganskom Turkestane* [Agrarian Issue in Afghanian Turkistan]. Moscow, International Agrarian Institute Publ., 1933. (In Russian).
7. Pulyarkin V.A. *Afganistan. Ekonomicheskaya geografiya* [Afghanistan. Economical Geography]. Moscow, “Mysl” Publ., 1964. (In Russian).
8. Odzharov K. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva – reshayushchee uslovie podema karakulevodstva. Itogi predvoennykh pyatiletok [Collectivization of Agricultural Sector – Crucial Factor of Karakul Sheep Breeding Rise. Results of Pre-War Five-Year Plans]. *Uchenye zapiski Turkmenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya KPSS* [Scientific Notes of Turkmen State University. Series: History of Communist Party of the Soviet Union]. Ashgabat, “Ylym” Publ., 1968, issue 54. (In Russian).
9. Arunova M.R., Shumilov O.M. *Granitsa Rossii s Afganistanom (Istoricheskiy ocherk)* [Russia and Afghanistan Border (Historical Essay)]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1998. (In Russian).
10. Tikhonov Y.N. Sovetsko-afganskiye otnosheniya v 1931–1939 gg. [Soviet-Afghanian relations in 1931–1939]. *SSSR i strany Vostoka nakanune i v gody Vtoroy mirovoy voyny* [USSR and Oriental Countries on the Eve and During the Second World War]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010. (In Russian).

Received 13 February 2018

Reviewed 11 March 2018

Accepted for press 16 May 2018

Information about the author

Tikhonov Yuriy Nikolayevich, Doctor of History, Professor of National and General History Department. Lipetsk State Pedagogical P.P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russian Federation. E-mail: tikhlip@mail.ru

For citation

Tikhonov Y.N. Sovetsko-afganskiye peregovory o pastbishchnoy konventsii v kontekste «Bolshoy igry» v Tsentralnoy Azii nakanune Vtoroy mirovoy voyny (1935–1939) [Soviet-Afghanian negotiations about the pasture convention in the context of the “Great Game” in Central Asia on the eve of the Second World War (1935–1939)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 174, pp. 203-209. DOI: 10.20310/1810-0201-2018-23-174-203-209. (In Russian, Abstr. in Engl.).